

Сказка четвёртая о Панфиле

В некотором царстве, в некотором государстве, в Кельском было королевстве, жил-был король, и у того короля была одна дочь. В один день сделал король великий пир, на который звал всех министров, и как съехались все во дворец, то садились за стол и кушали, потом как встали из-за стола, то король говорил им: «Любезные министры! Я хочу из вас одного послать на службу, чтоб съездил во Индейское государство и увез бы у Индейского короля коня семиногого, кобеля борзого и сокола златокрылого; и ежели кто из вас захочет мне услужить и съездить, то я в награждение ему половину своего царства и дочь свою отдам». И как министры от короля слышали, то прятались старый за малого, а малый за старого. В то время был у короля во дворце министерский сын, именем Панфил, который, став пред королем, говорил: «Милостивый государь! Я могу вам сим услужить, и поеду в Индейское государство, только вы сдержите свое слово». Король ему сказал, что он слова своего не переменит. После чего Панфил просил короля, чтоб приказал выбрать двадцать человек таких, чтоб ростом и лицом все были так, как он. Король тотчас приказал по всему государству таковых людей изыскивать, а как набрали, то и представили Панфилу, а он, посмотря на них, сказал, чтоб выбрали одинаких лошадей, и как все было готово, то приказал вывести своего доброго коня. И как вывели его коня, то клал на него седелечко черкасское, подпружечку бухарскую, двенадцать подпруг с подпругами шелку шемаханского; шелк не рвется, булат не трется, яровитское золото на грязи не ржавеет.

Потом как оседлал, то, простясь Панфил с королем и с своею нареченною невестою, вышел из дворца и сел на своего доброго коня; бил коня по крутым бедрам, пробивал черное мясо до белых костей; конь осержался, от земли отделялся, поднимался выше леса стоячего, ниже облака ходячего, горы и доли меж ног пускал, а маленькие речки хвостом застилал, и ехал путем, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Наконец приехал к Индейскому государству и велел товарищам раскинуть свои палатки в заповедном королевском лугу. И как раскинули, то пустили своих лошадей по полю гулять. Король Индейский как скоро на другой день встал, то и увидел из дворца в своем заповедном лугу поставлены палатки, изумился, потом приказал к себе позвать министра своего. И как пришел его министр, тогда король говорил ему: «Поезжай ты, министр большой, и спроси, кто таков приехал, царь ли царевич, или король-королевич, или из иных земель грозен посол за моих дочерей

свататься (ибо у Индейского короля было три дочери), или сильный могучий богатырь, и зачем он приехал?» Министр его большой поехал на тот заповедный луг, где стояли Панфиловы палатки, и как подъехал, то увидел Панфила, стоящего возле своей палатки, и, подошед к нему, с учтивостию говорил: «Милостивый государь! Король мой желает знать, кто вы таковы приехали, царь ли царевич, или король-королевич, или из иных земель грозен посол, или сильный могучий богатырь?» Панфил, ничего ему не говоря, ударил его в щеку и в другую, и понес потаскивать, разбил его в прах, а потом сказал: «Поезжай ты, министр большой, к своему королю и скажи, что я ни царь-царевич, ни король-королевич, ни из иных земель грозен посол свататься за его дочерей, и не сильный могучий богатырь, а скажи ему, что я приехал из Кельского государства вор украсть у вашего короля коня семиногого, кобеля борзого и сокола златокрылого». Министр большой, выслушав от Панфила, поехал обратно в город, и как приехал во дворец, то пошел к королю, и король увидел министра своего большого всего разбитого, спрашивал, кто его так прибил? На что министр отвечивал: «Милостивый государь! Прибил меня Панфил». И потом рассказал ему, зачем он приехал. Король, услыша сие, весьма задумался, потом собрал совет, на котором были все министры, и король их спрашивал, что ему присудят с Панфилом делать, войско ли против его высылать, или город запереть и приставить караулы к тем трем вещам. Тогда один министр говорил: «Милостивый государь! Ежели вам армию посылать, то когда он смело поступает, то, верно, уже богатырь, и армия наша будет побита от него, а лучше прикажите все градские ворота запереть и песком засыпать и чтоб был по всему городу бесчисленный караул». Король, приняв его совет, приказал сделать все так, как министр ему советовал, т. е. город заперли и песком ворота засыпали, и стоял по всему городу бесчисленный караул.

А Панфил дожидался ночи, и как скоро пробил одиннадцать часов, то велел он товарищам ловить своих лошадей и седлать, а как скоро пробил двенадцать часов, то велел садиться всем, и сам сел на своего доброго коня, и поехали прямо к городу, и, увидя, что все ворота заперты, перескочили через городовую стену и поехали к конюшне, то все спрашивали часовые: «Кто едет?» На что отвечивал Панфил, что вор едет воровать. И так приехал к конюшне, часовых всех перебил, а коня из конюшни вывел и отдал его своим товарищам. Потом поехал на псарний двор, где, также перебив всех часовых, и взял кобеля, отдал его своим товарищам, напоследок поехал на соколиный двор и перебил всех часовых, взял сокола и, посадя его на руку, поехал назад. И как ехал он мимо дворца, то, остановясь, сказал: «Я еще не могу назваться вором, когда не побываю во дворце у короля». Потом слез с своего коня,

пошел во дворец и, пройдя все покои, дошел до королевской спальни, отворил немножко дверь и увидел дремлющего сказывальщика, сидящего на софе, то Панфил взошел тихонько в спальню и подошел к сказывальщику, ударил его в голову столь легко, что он и не пикнул, потом сунул его под софу, а сам сел на его место. После того вскоре король проснулся и говорил, чтоб он сказал сказку. Панфил говорил: «Милостивый государь! Я хочу вам сказать новую сказку, только позвольте ли?» Король сказал, что очень хорошо. И так Панфил начал сказывать про себя: «В некотором было царстве, в некотором было государстве, в Кельском было королевстве был король, и сделал великий пир». И потом сказывал далее, что уже в заглавии сей сказки написано, и так досказал до того места, как он коня, кобеля и сокола украл, а притом сказал Панфил королю Индейскому: «А теперь, милостивый государь, он вам сказку сказывает». Король не слышал порядочно последних слов. И как Панфил перестал сказывать, то король весьма хвалил сию сказочку и говорил, что он никогда такой сказки не сказывал, ибо король думал, что это сказывальщик сказывал.

Потом король вскорости уснул, а Панфил опять пошел вон из спальни, и как вышел из дворца к своим товарищам, сел на своего коня и, взяв от них сокола на руки, поехал с ними из города. И так выехал в поле, то собрали свои палатки, поехали немедля в свое государство. И ехали путем-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, наконец приехали в свое государство. Панфил приехал прямо во дворец и пошел к королю; и как скоро увидел его король, то весьма обрадовался, а Панфил говорил королю: «Милостивый государь! Чего вы с великою нетерпеливостью желали, что я то все привез, притом прошу вас, чтоб вы устояли в своем слове». Король уверял его, что он обещания свои исполнит; потом вышел король с Панфилом смотреть коня семиногого, кобеля борзого и сокола златокрылого, и, видев все, приказал коня отвести на конюшню, а кобеля на псарный двор, а сокола оставил у себя во дворце; Панфила же на другой день сочетал с своей дочерью законным браком. Но оставим Кельского короля праздновать Панфилову свадьбу, а посмотрим, что делается в Индейском государстве.

На другой день после Панфилова отъезда съехались все министры во дворец, и как король к ним вышел, то министры с печальными лицами пересказали королю, как Панфил ночью был в городе, и кто коня, кобеля и сокола украл. Король, услышавши сие, вспомнил ту сказку, приказал искать своего сказывальщика, и как нашли его в спальне лежащего под софою, то говорил своим министрам: «Так он был и у меня в спальне и сказывал мне вместо сказки про себя правду». Все удивлялись его проворству. Король просил совета у своих министров, войско ли послать в Кельское государство или

послать с грамотою к Кельскому королю о выдаче Панфила, на что отвечал королю тот же министр, который советовал, чтоб от Панфила запереть город: «Милостивый государь! Ежели послать войско в такой дальний путь, то мы еще не знаем, может быть, король Кельский и не будет за него биться и его выдаст, то и будет напрасное затруднение нашему войску, а лучше сперва послать к Кельскому королю посла с грамотой». Индейский король принял от него сей совет и велел написать грамоту, в которой угрожал Кельскому королю разорением королевства, ежели не пришлет к нему Панфила, и, выбрав посла, отправил его в Кельское государство. Но как приехал посол и подал грамоту Кельскому королю, то король, приняв грамоту, прочитал и не знал, что делать, ибо жаль ему было Панфила, но и боялся Индейского короля. В то же самое время вошел Панфил и увидел у короля грамоту и посла Индейского, спрашивал, что за грамота? Король подал Панфилу грамоту, и как скоро Панфил прочитал, то говорил: «Милостивый государь! Не думайте ничего, я поеду к Индейскому королю». А потом сказал послу: «Поезжай и скажи своему королю, что я скоро к нему буду».

После того приказал собрать Панфил тех прежних товарищей, и как собрал их, то сказал, что ехать надобно опять в Индейское государство, и они ему отвечали, что с великою радостью. И как совсем изготовились, то Панфил стал прощаться с королем и с своею супругою, и хотя король уговаривал его, однако он уверял их, что возвратится благополучно. Итак, простившись, поехал из государства, и ехал путем-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Наконец приехал к Индейскому государству и приказал разбить свои палатки в другом заповедном лугу. И как на другой день Индейский король из дворца увидел разбитые палатки, то, призвав опять министра своего большого, говорил ему: «Поезжай ты в заповедный луг и спроси, кто таков приехал, царь ли царевич, или король-королевич, или из иных земель грозен посол свататься за моих дочерей, или сильный могучий богатырь?» Министр большой поехал в заповедный луг и, как приехавши к палаткам и подошел к Панфиловой, говорил: «Милостивый государь! Король мой желает знать, кто вы таковы приехали, царь ли царевич, или король-королевич, или из иных земель грозен посол свататься за его дочерей, или сильный могучий богатырь?» Панфил, ничего ему не говоря, ударил его в щеку и в другую, начал его бить, и так, разбив его в прах, сказал ему: «Поезжай ты к своему королю, и скажи, что я ни царь-царевич, ни король-королевич, и не из иных земель грозен посол свататься за его дочерей, и не сильный могучий богатырь, а я прислан от Кельского короля вор Панфил с повинною к нему». Министр, выслушав от него, поехал обратно в город, и приехал во дворец, и как увидел его

Индейский король, то спросил, кто его так прибил? Министр отвечал, что Панфил, и потом пересказал королю все, что говорил Панфил; и как услышал, то приказал собраться всем министрам. Потом как все съехались, то король просил у них совета, как взять Панфила? На что отвечал ему тот же министр, который и прежде советовал: «Милостивый государь! Хотя их и двадцать один человек, однако все делает один, а как они все одинаковы как ростом, так и всем, то и нельзя узнать его, а вы извольте послать за ним и попросить его с товарищами кушать, сказав, что дочь ваша будет делать бал, и как дочери ваши очень разумны, то и заметят его, и уже ему никак нельзя избавиться». Король, приняв его совет, пошел в покои к своей большой дочери, и как пришел, то говорил: «Любезная дочь! Я прошу тебя, чтоб ты сделала завтрашний день у себя в покоях бал, на который позови Панфила с его товарищами, и приметь его». Дочь его обещала сие исполнить. И на другой день послала своего пажу к Панфилу, чтоб приехал к ней и с товарищами. Паж поехал и, приехавши к Панфилу, просил его именем королевской дочери на бал. Панфил обещался быть с великою охотою.

И как пришел тот час, то Панфил приказал им седлать своих коней, и, оседлавши, поехали во дворец, а по приезде и взошли в комнаты. Увидел король и все министры, что они были рост в рост, так как один. После того сели за стол; по их обыкновению должна была королевская большая дочь потчевать, потому что она делала бал, и как кушали, то королева, ходя вокруг стола, и по своей хитрости вплела ему так искусно в голову серебряный волосок, что и Панфил сколько ни был хитр, однако не слышал; потом как откушали, то пошли гулять в сад, и как Панфил гулял с своими товарищами, то, отдаляясь в сторону, спрашивал их, что нет ли какой на нем приметы? Товарищи стали его везде искать и нашли в голове серебряный волос; и как сказывали Панфилу, то он говорил им: «Пустое, ребята». Потом стал гладить всех рукою по голове, и как на которого руку ни положит, то у всякого по серебряному волоску было в голове. После того пошли во дворец и, посидя немного, стали подыматься домой. Но король их остановил и сказал, что надобно в них найти виноватого. Потом стала дочь его искать у каждого в голове и, видя, что у всякого было по серебряному волосу, то и не могла узнать Панфила. После того Панфил вышел из дворца и поехал с товарищами к своим палаткам. На другой день просил король свою среднюю дочь, чтоб сделала у себя бал. Королева тотчас послала пажу своего к Панфилу просить на бал, и Панфил обещался быть, а как пришел тот час, Панфил приказал, чтоб оседлали коней, а потом поехали в город. И как приехали во дворец и взошли в покои, то сели за стол и кушали, а королевская средняя дочь их начала потчевать, и во время стола вплела Панфилу в голову золотой волос.

После как встали из-за стола, то пошли в сад, и Панфил, отдалясь с товарищами ото всех, спрашивал у них, нет ли какой приметы на нем? Тотчас начали искать везде и нашли в голове у Панфила золотой волосок, сказали ему. На что он отвечал: «Пустое, ребята». И начал их гладить каждого рукою по голове, и как на которого руку наложит, то у того и был в голове золотой волосок; и так у всякого было в голове по золотому волосочку. После того пришел Панфил с товарищами во дворец и, побыв немного, стали подыматься домой, но король, остановя их, сказал: «Постойте, и дайте мне сыскать из вас одного виноватого». Потом пошла королевская дочь искать у каждого в голове и, видя, что у всех было по золотому волосу, весьма удивилась и не могла Панфила узнать. И так Панфил поехал обратно к своим палаткам.

Потом на другой день послала пажу своего звать Панфила с товарищами кушать уже меньшая королевская дочь; и как приехал паж к Панфилу и стал просить его на бал, то Панфил обещался с великою радостью. И как пришел тот час, в который надобно было ехать во дворец, то, оседлав коней, поехали. И, приехав во дворец, взошли в комнаты, а потом сели за стол. Меньшая королевская дочь потчевала их во время стола, и как ходила она кругом гостей, то Панфил не слышал, как она ему воткнула самую маленькую булавочку под воротник. После того как встали из-за стола, пошли в сад, то Панфил, отдалясь с своими товарищами в сторону, велел искать, нет ли какой на нем приметы? Товарищи стали его обыскивать и не могли никак найти, и сказали, что нет ничего. Тогда говорил им Панфил: «Теперь-то меня поймают, и я вас в последний раз прошу, когда вы меня любите, то избавьте меня от смерти, ибо меня уже теперь не выпустят изо дворца; но я вас оправдаю, и вы будете отпущены в свое государство, и когда вы поедете, то вы знаете, что есть неподалеку от третьего заповедного луга лес, и вы остановитесь за тем лесом и раскиньте свои палатки, слушайте, когда я заиграю первый раз в рожок, то вы седлайте коней, потом как заиграю во второй раз, то вы садитесь и приезжайте к городу, а как заиграю в третий раз, то вы поспешайте ко мне скорее и рубите всех, а ежели вы того не сделаете, уедете в свое государство, то Кельский король вас всех переказнит, что вы без меня приедете». Товарищи его обещали исполнить все по его приказанию, и как вошли во дворец и, посидев немного у короля, стали подыматься, то король их остановил и сказал, что ему надобно сыскать в них виноватого. Тотчас они остановились, а королева пошла их обыскивать, и как посмотрела у крайнего, что нет, а потом у другого и третьего, и так дошла до Панфила и говорила: «Вот, государь батюшка, тот виноватый, которого вы ищите». Потом король спросил Панфила: «Ты ли тот вор, который лишил меня толиких драгоценностей?» На что отвечал Панфил, что он. Король приказал его

посадить в темницу, и Панфил тому не противился, а спросил только, чтоб отпустил его товарищей безвредных, ибо Панфил говорил, что не виноваты. Король по его просьбе отпустил их благополучно, а после того собрал всех министров и просил у них совета, как казнить Панфила. На что отвечивал тот же министр, который и прежде советовал королю: «Милостивый государь! Такого славного вора надобно славною смертью казнить, чрез что и вам будет великая честь, и как никто не знает из нас, как его казнить, то пошлите кого-нибудь к Панфилу, чтоб он сам выбрал какую себе смерть». Тотчас приказал король идти в темницу министру своему большому к Панфилу и спросить его, какой он смертью желает умереть? Министр по королевскому приказанию пошел к Панфилу в темницу и спрашивал его, какую смертью желает умереть? На что Панфил говорил: «Ежели король делает мне такую милость, что велит выбрать мне свою смерть, то скажи ему, чтоб приказал поставить в своем третьем заповедном лугу три виселицы: у первой чтоб были столбы вызолочены и повешена была золотая петля, а у другой виселицы столбы были б серебряны и петля серебряная, а третью простую и петлю пеньковую». Министр, выслушав от Панфила, пошел во дворец и, пришедши к королю, пересказал все, что говорил Панфил, и король приказал сделать три виселицы такие, какие хотел Панфил.

И как все было готово, и пришел тот день казни, то пришли к Панфилу в темницу и одели его в белое платье и распустили ему волосы по плечам, повели его к тому месту, где поставлены были виселицы. И как народ его увидел, то весьма сожалел о нем, что такого прекрасного и молодого человека ведут на казнь, а король ехал позади Панфила с королевой и с дочерьми в карете, и как шел Панфил, и, прошед несколько улиц, остановился и сказал: «Чтоб была за диковинка, что на мою смерть столько народа смотрит?». Сказав сие, пошел опять. Король подозвал тотчас тех, которые шли от Панфила неподалеку, спросил их, на что Панфил остановился? И они королю пересказали, что говорил Панфил. Потом пришли уже к тем виселицам, и повели Панфила по лестнице на эшафот, и как переступил он три ступени, то, оборотясь к королю, сказал: «Милостивый государь! Я прежде был великий охотник в рожок играть, то позвольте мне стакан меду выпить и в рожок поиграть». Однако король не велел ему играть, а велел, чтоб скорее повесили. Но большая его дочь пала пред ним на колени, говорила: «Милостивый государь мой батюшка! Сделайте ему милость хотя для меня и позвольте ему поиграть». Король не мог отказать дочерней просьбе, велел ему подать стакан меду и рожок. Панфил выпил меду стакан и заиграл в рожок такую печальную песню, что весь народ прослезился, даже и сам король был тронут его игрою. А товарищи его услышав, седлали своих коней и дожидались, когда Панфил

заиграет в другой раз. Потом Панфил перестал играть и переступил еще три ступени вверх, оборотясь опять к королю, говорил: «Милостивый государь! Позвольте еще один раз в рожок поиграть и стакан меду выпить». — «Нет, нет, — говорил король, — ты уже и так привел всех в жалость своею игрою, ведите его скорее». Но середняя его дочь просила: «Милостивый государь батюшка! Позвольте ему поиграть хотя для меня». Король, не могши отказать просьбе своей дочери, позволил Панфилу подать стакан меду и в рожок поиграть. И как подали мед, то он выпил, и взял рожок в руки, стал играть такую печальную песню, что и пуще привел всех в жалость. И, услышав его товарищи в другой раз его игру, сели на коней и поехали к городу. Потом перестал Панфил играть и взошел еще вверх три ступени, говорил королю: «Милостивый государь! Позвольте мне уже в последний раз подать стакан меду выпить и в рожок поиграть». — «Нет, нет, — говорил король, — ты уже всех в слезы привел, ведите его поскорее». Но меньшая его дочь пала на колени и просила, чтоб позволили ему в рожок поиграть. Король не мог отказать ее просьбе, велел ему подать стакан меду и в рожок поиграть. Панфил мед выпил и заиграл в рожок; в то время прискакали его товарищи и зачали всех рубить. Панфил, увидя их, оборотился к королю и сказал: «Смотри, как мои воробьи твою пшеницу клюют». Король, оборотясь, увидел, что его народ рубят Панфиловы товарищи, весьма сробел и не знал, что делать.

Панфил в то время сбежал с лестницы, и, подойдя к королю, говорил: «Вот, милостивый государь, вы как король, то и петля вам золотая, а королеве вашей серебряная, а министру твоему большому пеньковая». Индейский король стал просить Панфила с униженностию, а притом и дочери его просили, чтоб помиловал отца их. Панфил, склонясь на их просьбу, простил, виселицы велел сломать, а того министра, который подавал всегда советы Индейскому королю, одарил деньгами. Потом говорил королю, чтоб он впредь его не беспокоил и платил бы Кельскому королю дань. После того отправился Панфил с товарищами в свое государство и, ехав долгое время, наконец приехал. И как увидел его Кельский король, то весьма обрадовался, также и супруга Панфилова, и для приезда его сделал великий пир, и все были во дворце министры и чрезвычайно веселились. После того Панфил одарил своих товарищей и распустил их по домам. А потом уже жил Панфил с своею супругою благополучно и получал с Индейского государства ежегодную дань.